

14. Суперанская А. В. и др. Общая терминология: Вопросы теории. М.: Наука, 1989. 246 с.
15. Шелов С. Д. Определение терминов и понятийная структура терминологии. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. 236 с.
16. Табанакова В. Д. Идеографическое описание научной терминологии. Тюмень: Издательство Тюменского гос. ун-та, 1999. 200 с.
17. Шелов С. Д. Семантическое, понятийное и терминологическое поле термина // Научно-техническая терминология (научно-технический реферативный сборник). Вып. 2. М.: ВНИИКИ, 2001. С. 100-102.
18. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 355 с.
19. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: Высш. Школа, 1982. 272 с.
20. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1979. 156 с.
21. Горелов А. А. Экология. М.: Юрайт-М, 2002. 312 с.

Ольга Борисовна БАЧЕЕВА —
*редактор лаборатории региональных
 энциклопедий ТГУ,
 кандидат филологических наук*

УДК 821.161.1

ДИАЛОГ С ПИСАТЕЛЕМ В СТАТЬЯХ М. ВОЛОШИНА И В. БРЮСОВА

АННОТАЦИЯ. Полемика, пересказ, цитирование, переписка — виды диалога критика с писателем: его текстом и позицией. Эти виды диалогических отношений рассмотрены на примере статей двух писателей-современников — М. Волошина и В. Брюсова.

The author considers the articles M. Voloshin and V. Bryusov to trace the types of dialogue critical relations, such as polemics, paraphrase, citation and correspondence that in their turn form a dialogue between the point of view of the author and his text.

Литературная критика по своей природе неизбежно имеет дело с «чужим словом». Критик, естественно, обращается к самому произведению, художественный текст используется как доказательство идей критика, иллюстрация его построений и служит средством усиления пафоса. Постигание художественного материала, его осмысление, оценка, пропаганда или отрицание осуществляются в критической статье во взаимодействии и диалектическом единстве прямого, выявленного в тексте статьи диалога с читателем и «скрытого» или выявленного диалога с писателем-творцом.

Диалогом критика с писателем можно считать его работу с текстом произведения - это и цитирование текста, и его пересказ.

Отличительной особенностью критики М. А. Волошина является широкое проникновение в нее художественного начала, что во многом обусловило особый характер диалогичности. Его ориентация на сотворчество, с одной стороны, указывает на необходимость взаимодействия писателя, критика и читателя, но, с другой стороны, устанавливает их относительную равноценность и равнозначность. Его работы характеризует строгое соблюдение повествовательности, отсутствие патетики.

Критик тяготеет к внутренне цельной монологической позиции. Однако, не пытаясь осуществить общение с читателем через реализацию своей воли, аргументацию своей позиции, выстраивание логики умозаключений, Волошин стремился передать ему свой творческий импульс. Этой цели служит такая черта его работ, как парадоксальность, обладающая двойной направленностью: «внутренней» и «внешней». Внутри статьи основой для построения мифа о поэте станови-

лась алогичность, оригинальность восприятия критиком образов и проблем. Такая манера изложения являлась своего рода «раздражителем», требующим активного отношения читателя к сказанному.

Критические работы Волошина предполагают и иную диалогичность: приобщение самого критика к творческому акту создания произведения, которое становилось предметом его изучения. Иногда, в статьях с ярко выраженной полемической направленностью, можно наблюдать «открытое» сотворчество критика с художником — пересказ («Елеазар», рассказ Леонида Андреева).

Его статьи характеризуются обилием развернутых цитат, отсутствием мелочного комментирования; критик создает общий эмоциональный настрой, позволяющий наиболее полно воспринять поэзию, исходя из ее природы. Однако использование цитат в работах М. Волошина многофункционально. Цитирование может быть связано с самой концепцией анализа («Гороскоп Черубины де Габриак»). В то же время нередко цитата становилась ключом ко всему творчеству поэта или к отдельной его книге («Голоса поэтов»). Сам отбор цитат, принципиальная точность или нарочитая небрежность цитирования, купюры и искажения текста — в какой-то мере уже выражение идейно-эстетической концепции, которая уточняется комментированием, степенью органичности цитаты в тексте статьи.

Волошин часто в своих статьях приводит слова самих писателей (А. Блок. «Нечаянная радость»; Поль Верлэн. Стихи избранные и переведенные Ф. Сологубом). В данном случае Волошин не устраняется от анализа, авторский текст, приведенный в статье, способен сам «постоять за себя» в диалоге с позицией критика, помогает критику в аргументации своей точки зрения, в раскрытии основной мысли произведения. Этот прием Волошина показывает готовность критика к сотворчеству с автором. В данном случае сотворчество, диалог автора и критика, дает некий синтез мнений, облегчая читателю восприятие.

Часто критик заканчивает свою статью стихами автора, о творчестве которого идет речь. Таким образом, можно сказать, что в данном случае критик доверяет автору закончить статью вместо себя (В. Брюсов «Пути и перепутья», «Ярь» С. Городецкого, «Эрос» Вяч. Иванова и др.). Это высшая степень доверия критика автору — никто, даже критик, лучше, чем автор, не скажет. Иногда статья заканчивается цитатой не из произведения автора, в данном случае происходит диалог произведений разных авторов. Волошин тщательно подбирает «собеседников», стараясь, чтобы второй текст оттенил концепцию первого, ответил на неразрешимые вопросы автора. Статья о Леониде Андрееве «Некто в сером» заканчивается отрывком из трагедии Вилье де Лиль-Адана «Аксель», а статья о «Судьбе Л. Толстого» завершается словами из Писания. Отрывок из произведения другого автора может и предварять размышления критика о проблеме. Такое вступление призвано настроить читателя на определенный лад, показать актуальность темы: слова Т. Готье о голосе как повод поговорить об индивидуальности писателя (Поль Верлэн. Стихи избранные и переведенные Ф. Сологубом), слова О. де Бальзака «Все мы умираем неизвестными» становятся эпиграфом к статье об И. Анненском. Иногда право открыть статью о своем творчестве принадлежит самому автору. Так, работа об «Александрийских песнях» М. Кузмина начинается отрывком его стихотворения, а эссе о князе А. И. Урусове — письмом князя А. Андреевой. Открытость Волошина к другим мнениям, стремление показать читателю как можно более полную картину восприятия творчества отдельного автора проявляется в том, что критик приводит в статье высказывания своих коллег-критиков. В работе о переводах Поля Верлена он приводит мнения четверых современников (Коппэ, Ж. Леметр, Р. де Гурмон, А. Франс).

У Волошина видна бережность отношения к цитируемому тексту, которая выражается и в стремлении дать читателю возможность испытать воздействие

произведения в целом, и в корректности отбора цитат, и в желании не «заслонять» текст своим комментированием и истолкованием, а аккомпанировать ему, побуждая к активности эстетическое чувство читателя.

Диалог текста с концепцией критика проходит гармонично, «в согласии». В значительной части своих статей критик органически включает стихотворную цитату в авторский текст как продолжение своей мысли. Эта связь оформлена грамматически: цитата не представляет самостоятельного высказывания, а включается во фразу критика, вводится в нее сочинительными или подчинительными союзами.

Диалог критика и писателя находил отражение не только в обращении первого к тексту произведения, но и в своеобразной форме изложения материала в статье. Собственную манеру повествования Волошин как бы подключал к стилю писателя, творчеству или индивидуальности которого посвящена работа («Федор Сологуб. «Дар мудрых пчел»). Эта особенность явилась органичным следствием его убеждения в том, что произведение искусства можно рассматривать только становясь на точку зрения самого автора.

Сближение художественного и критического начала в критике М. Волошина обусловило изменение характера ее диалогичности. Доминирование принципа сотворчества определило специфику отношений читателя — критика — писателя и способ их реализации. Парадоксальность изложения, своеобразие цитации позволили критике М. Волошина, оставаясь внутренне монологической, осуществлять связь и с писателем, и с читателем.

Волошин вел диалог с писателем не только посредством использования произведения автора, но и обмениваясь мнениями о еще не вышедшей статье с самим автором и близкими критику людьми. Такой диалог состоялся по поводу статьи С. Городецкого. Работа о молодом поэте «привела маму в восторг» [1], жена считала, что Волошин «пошел вперед за этот год» [2], т. к. статья о «Яри» «очень хороша» [3]. Читал свой отзыв Волошин и Городецкому, который «остался очень доволен и сказал, что сам не предполагал такой внутренней цельности всей книги и связи всего с космическим вступлением» [4]. Работая над статьей о М. Кузмине, Волошин пользовался предоставленной автором полной рукописью «Александрийских песен». В статье критик цитирует песни, не вошедшие в цикл, помещенный в «Весах». Волошин писал жене: «закончил статью о Кузмине. Сейчас пойду ее прочесть ему» [5].

Разновидностью диалога с писателем считают полемику. Волошин в полемиках литературных групп не участвовал: «Я привык писать и говорить в одиночестве» [6], — утверждал он. По словам А. Белого, Волошин «проходил через строй чужих мнений собою самим, не толкаясь» [7]. При этом в собственных мнениях он умел быть смел и дерзок, доходя до вызывающих парадоксов.

Характерная особенность мысли Волошина-критика — ее парадоксальность. Сам он дает ей парадоксальное же объяснение в письме к Л. Я. Гуревич (январь 1913 г.): «У меня нет такого места, где я мог бы писать регулярно и по тем вопросам, которые меня интересуют, независимо от того, касаются ли они театра, литературы, живописи или общественности. Мне, например, иногда очень важно писать на ту тему, которая уже обсуждалась в газете, т. к. должен сказать, что (к несчастью для меня) мои мнения никогда почти не совпадают с господствующими в литературе (выделено мной. — О. Б.). Поэтому уже давно мне приходилось играть роль какого-то гастролера-престижита и на пространстве 150-200 строк сжимать то, что требовало бы нормально 2-3 фельетона. У меня поэтому установилась репутация парадоксалиста, хотя я для себя только последователен» [8].

Хотя Волошин и оставался в стороне от всех групповых литературных полемик, его статьи нередко носили полемический характер, вызывая широкий общественный резонанс (статья о Репине). В литературе наиболее значимыми являются полемике с Брюсовым: о качестве переводов и границах литературной критики.

Статью-рецензию на «Стихи о современности» Волошин пишет по просьбе Брюсова. Однако его работа была написана «дерзким полемическим тоном», поэтому, предваряя полемику в печати, Волошин направляет статью автору сборника, предоставляя ему полное право распорядиться ею. Брюсов принял вызов, брошенный критиком, и поместил статью в своем журнале «Весы» «не потому, что эта статья против меня, и не потому, что «Провал» [«Перевал»] мне не по душе, а просто потому, что статья хороша и жалко отдавать в другие руки интересные страницы» [9].

Отвечая Брюсову на его гневный протест по поводу статьи о нем в «Руси» (В. Брюсов. «Пути и перепутья»), Волошин рад тому, что благодаря ему завяжется полемика, которая позволит лучше узнать Брюсова-человека: «Моя фикция все же остается для меня единственной реальностью. Почему Вам, воспользовавшись обманом моей мечты, не дать самому, как опровержение легенды, которая может возникнуть из моих слов, воспоминаний о своем детстве и о первых шагах своего творчества? Такие литературные документы так драгоценны, что я буду гордиться тем, что ошибка моя послужит Вам толчком к этому» [10].

Позиция Брюсова-критика в статьях отлична от позиции Волошина. В своих работах Брюсов предстает экспертом, однако статья не выглядит монологом. В его статьях тоже появляется голос автора, порой как продолжение мысли критика. Эта связь оформлена грамматически: слова автора не оформляются прямой речью, а включаются во фразу критика (Вяч. Иванов «Эрос»). Встречается в его статьях и прямой диалог с текстом произведения (имеется в виду цитация), правда, гораздо реже, чем у Волошина.

Цитаты встречаются в статьях, где Брюсов мог «дать общую характеристику поэзии» [11]. Там, где этого сделать не удавалось, статьи обходятся без единого слова автора, слышен только голос критика. Если у Волошина цитата — продолжение мысли критика, то у Брюсова она лишь голос автора, призванный подтвердить мысль критика, его правоту (окружена словами автор «говорит», «восклицает», «признается», это позволяет критику отделить свои слова от слов автора). Критик заключает цитату в определенные рамки, строго определяя ее место в структуре статьи, что говорит о раздельности позиций автора и критика.

Критик вступает в полемику с автором: мнение автора, цитата из его произведения — отправная точка для построения критической статьи Брюсова. Мысль автора подвергается тщательному анализу и, как правило, опровергается.

Иногда и читатель, и писатель видят присутствие критика в самом цитируемом тексте. Диалог с позицией и текстом писателя выражен знаками восклицания и вопроса, отражающими эмоции, а не логические доводы и обоснования (К. Д. Бальмонт. Статья 3. Злые чары и Жар-птица): «Рытвины, вот (?), примечай». За этим кроется и недоумение критика-эксперта, и непонимание простого читателя. Намечается противопоставленность автора произведения читательской аудитории: критику и непосредственно читателю. В очень немногих статьях Брюсова можно услышать голос самого критика (статья «Перун» о поэзии С. Городецкого), выраженное личным местоимением единственного числа: «Не заставит ли это задуматься молодого поэта, которого многие, и я в том числе, называли среди лучших надежд молодой поэзии» [12]. В большинстве статей авторское начало опосредованно, выражено местоимениями множественного числа.

Для Брюсова характерен при анализе «косвенный», «третьеличный» диалог с позицией автора. Критик не допускает присутствия в критической статье

фактов биографии, он считал недопустимым в литературе то, что некоторые авторы позволяют себе привести «несколько слов из частного письма» [13].

Брюсову менее свойственен диалог как способ построения статьи, беседы с автором или читателем, более всего он полемист. Он не ищет в диалоге нечто третье, что откроется от соприкосновения двух сознаний, он ищет союзников, похожих на себя, ищет подтверждения в очередной раз правоты раз выдвинутых положений, он определяет противников, в диалоге-борьбе с которыми он будет отстаивать свою точку зрения.

И автор статьи, и читатель, и критики, союзники и противники, с которыми ведется полемика, и писатель, если диалог обращен к нему, представляют в статье живую жизнь, судящую об искусстве. В деятельности Брюсова-критика можно выделить две линии, по которым критик вел полемику: с другими, преимущественно родственными, журналами и непосредственно внутри журнала.

Полемическим был характер «Весов», где Брюсов играл далеко не последнюю роль. Вспоминая о деятельности Брюсова в этом журнале, Вл. Ходасевич писал: «В редакции «Весов» Брюсов самодержавно правил; он вел полемику, заключал союзы, объявлял войны, соединял и разъединял, мирил и ссорил. Управляя многими явными и тайными нитями, чувствовал он себя капитаном некоего литературного корабля и дело свое делал с великой бдительностью» [14].

Волошин критиковал Брюсова за полемический характер журнала. «Оценка очень часто заменена полемикой. Я вижу слишком много слов. Полемический тон неприятно приравнивает «Весы» к другим журналам, даже газетам. Мне кажется, что «Весы» призваны судить, но не бороться» [15]. Высказавшись таким образом о рецензии «Весов», Волошин показал, что не увидел в их «полемическом тоне» цель Брюсова. Как раз для него главным было «бороться» и затем — «судить». Получив письменные разъяснения Брюсова, Волошин отвечал ему: «Я совершенно не предполагал о том значении, которое Вы придаете библиографическому отделу, полемике, а не полноте» [16]. Различие во взглядах оба объясняли тем, что смотрят на журнал и его позицию с разных сторон: Волошин — издали, как сторонний наблюдатель, Брюсов — как непосредственный участник происходящих событий. О. В. Калугина, анализируя деятельность «Весов», пришла к выводу, что «полемика предстает если не главной целью издания «Весов», то необходимым условием их существования» [17].

Брюсов никогда не смешивал отношения литературные и личные, он делил «человека на человека и литератора» [18], признавал примат достоинства в литераторе, а не человеке, в отличие от Волошина и Белого. В своих письмах к Волошину, Чулкову, Иванову он подчеркивал это деление, стараясь объяснить свою позицию. По его мнению, каждый должен иметь право на объективное рассмотрение, без всякой тенденции его опровергнуть. «Наша литературная полемика, явная и скрытая, последнего времени, как-то разлучила нас с тобой. Вполне понимаю, что строки моих статей могут возбудить твое, скажем, неудовольствие. Но мне бы хотелось, чтобы ты понял меня» [19].

Брюсова соединяла с другими поэтами не столько «сходство», существующее при всех основных расхождениях, сколько решительное «отличие». «Расхождение не может влиять на отношения каждого из нас к деятельности и к творчеству другого. Тебя как писателя чту неизменно и как поэта люблю по-прежнему. Верю также, что это расхождение может не нарушить наших личных давно дружеских отношений. Мне все как-то верится, что глубже наших расхождений есть между нами некоторое неизбежное и ненарушимое единство. Свою статью я писал безо всякой враждебности к тебе. Но, разумеется, я писал ее с решительной враждебностью к вашим идеям. С этими идеями я враждовать и бороться

должен и буду. Моя полемическая статья с намеренностью написана внешне. Я предоставляю тебе свободу в выражении своих мнений, сколько бы они не отличались от моих» [20].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цит. по: Волошин М. А. Лики творчества. Л., 1988. С. 740.
2. Там же. С. 740.
3. Там же. С. 740.
4. Цит. по: Волошин М. А. Лики творчества. Л., 1988. С. 740.
5. Там же. С. 740.
6. Кустов О. Паладины // http://spintngues.msk.ru/kustov__paladins5.htm
7. Кратко о Волошине («Русская поэзия Серебряного века») // <http://www.litera.ru/stixiya/articles/175.htm>
8. Цит. по: Гаврилов Б. А. «Нет грани меж прозой и стихом...» (поэт-критик М. Волошин) // Писатели как критики. Материалы вторых Варзобских чтений «Проблемы писательской критики». Душанбе, 1990. С. 184.
9. Брюсов В. Я. Письмо М. Волошину. Декабрь 1906 г. // Литературное наследство. Т. 98. В. Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 366.
10. Волошин М. Письмо В. Брюсову. 3 января 1908 г. // Отдел рукописей РГБ. Ф. 386. К. 80. Ед.хр. 34. Л. 25-26.
11. Брюсов В. Я. Правка к корректуре кн.: Далекие и близкие. М., 1912 // Отдел рукописей РГБ. Ф. 386. Ед. хр. 45. Л. 2.
12. Брюсов В. Я. С. Городецкий. «Ярь» // Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1975. С. 335.
13. Брюсов В. Я. Письмо к Чулкову. 30 апреля 1907 г. // Отдел рукописей РГБ. Ф. 371. К. 2. Ед. хр. 58. Л. 52.
14. Цит. по: Паниян Ю. Критическая деятельность Брюсова в журнале «Весы» // Молодой научный работник. Ереван, 1966. № 4. Сер. обществ. наук. С. 93.
15. Волошин. М. А. Письмо В. Брюсову. 11 марта // Отдел рукописей РГБ. Ф. 386. К. 80. Ед. хр. 34. Л. 3.
16. Волошин М. А. Письмо В. Брюсову. 18 февраля 1904 г. // Отдел рукописей РГБ. Ф. 386. К. 80. Ед. хр. 34. Л. 1.
17. Калугина О. В. Споры о «новом искусстве» в журнале символистов «Весы» / http://nivestnik.rsuh.ru/2001__3/8.shtml
18. Белый А. Брюсову. Апрель, 1908 // Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 415.
19. Брюсов В. Я. Письмо к Вяч. Иванову 17 октября 1906 г. // Отдел рукописей РГБ. Ф. 109. К. 13. Ед. хр. 84. Л. 19.
20. Брюсов В. Я. Переписка с Ивановым // Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 534.